

НАТАЛЬЯ КРАВЦОВА

В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА • 1979

Герой Советского Союза
НАТАЛЬЯ КРАВЦОВА

В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ

*Художник
Юрий Конопенко*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1979

Автор этой книжки — Герой Советского Союза Наталья Фёдоровна Кравцова во время Великой Отечественной войны была лётчиком-бомбардировщиком. Она летала на самолёте ПО-2, который до войны считался учебным. Несколько поколений советских лётчиков научились высокому искусству полёта на этом самолёте. Но вот пришла война. И мирный ПО-2 — как солдат-ополченец взялся за оружие. На нём установили пулемёт, прицел, подвесили бомбы. И даже называть стали уже не учебным самолётом, а лёгким ночным бомбардировщиком.

На малой высоте и небольшой скорости летали ПО-2 над противником, не давая ему покоя ночью, выбирали «штучные» цели: артиллерийское орудие, танк, узкую полоску переправы, отдельное здание, в котором разместился вражеский штаб или склад боеприпасов... Заслуженной славой пользовались авиаторы, воевавшие на этом самолёте. Большой урон причиняли они противнику, хотя и сами несли потери немалые. Хрупкий деревянный ПО-2 легко загорался от попавшего в него снаряда, а стреляли в него, как говорится, кто только мог: от фашистских самолётов-истребителей до пехотинца-автоматчика. Рискованное это было дело — летать на нём! Каждый боевой вылет грозил гибелью. Каждый вылет... А Наталья Кравцова — сделала их 980! 980 раз выходила она на единоборство с врагом, навстречу огненным пулемёт-

ным трассам и разрывам артиллерийских снарядов, прорывалась сквозь ночную непогоду, туманы, снегопады — и наносила удар по фашистам.

Поэтому и рассказывает она о том, что видела и пережила в ночном небе, на редкость точно и достоверно.

Рассказывает больше всего не о себе, а о своих подругах-воинах знаменитого 46-го Гвардейского легкобомбардировочного авиаполка. Рассказывает о боевых удачах и о неизбежных на войне неудачах, о буднях и праздниках, о трудном пути к победе и о самой победе.

Герой Советского Союза Евгения Руднева — штурман 46-го авиа-полка — однажды сказала Наталье Кравцовой, что хочет написать сказку, которая начиналась бы словами: «У самого синего моря, на высоком берегу жил-был гвардейский женский полк...» Выполнить своё намерение Женя Руднева не успела — погибла в бою. Вместо неё эту сказку — вернее, быль, которая сегодня кажется нам сказкой, — написала её подруга, человек с отважной душой воина и уверенной рукой писателя, Наталья Фёдоровна Кравцова.

Марк Галлай,

Герой Советского Союза,
Заслуженный лётчик-испытатель
СССР

УЧУСЬ ЛЕТАТЬ

Летать я научилась ещё до войны, когда была школьницей. Жила я тогда в Киеве. В городском Доме пионеров открылась планёрная школа, и я туда записалась.

Мы летали за городом над холмистым полем. Был у нас старенький одноместный планёр. У планёра нет мотора. При помощи резинового троса мы всей командой, как из рогатки, «выстреливали» планёр вместе с пилотом.

Помню, мой первый полёт прошёл не совсем гладко.

— Птичка, твоя очередь! — крикнули мне ребята.

В группе меня прозвали Птичкой: я была худенькой, весила мало.

Села в кабину. Ребята стали натягивать трос. Оказавшись в воздухе, я попробовала двигать ручку управления, но почему-то планёр слушался меня плохо. Только после того, как вместе с планёром я упала на землю, мне всё стало ясно.

— Ты сколько весишь? — спросил подбежавший инструктор.

С виноватым видом я ответила.

Он покачал головой:

— Как пёрышко! Разве ты не знаешь, что при таком весе нарушается устойчивость планёра! Придётся тебе подождать с полётами.

Но мне не хотелось ждать. Я сшила небольшой мешок и набила его песком. Перед полётом укладывала мешок на сиденье. Планёр стал послушным.

После планёрной школы я поступила в аэроклуб. Мы летали на самолёте У-2. На этом самолёте лётчики совершали свои первые шаги в авиации. Он был сделан из дерева и полотна, покрытого специальным авиаляком.

Две открытые кабины — передняя для инструктора и задняя для ученика — имели одинаковое управление. Если отклонить ручку управления или педаль в одной кабине, то в другой они отклонятся точно так же. Поэтому в полёте инструктор мог легко поправить своего ученика или показать ему, как выполняется та или другая фигура высшего пилотажа.

Десятый класс и аэроклуб я окончила почти одновременно. Тогда я не могла предположить, что эти спортивные полёты на планёре и на учебном самолёте повлияют на моё будущее, что в годы Великой Отечественной войны я стану военной лётчицей.

УХОЖУ В АРМИЮ

Мне было восемнадцать лет, когда в 1941 году фашистская Германия напала на Советский Союз. Я училась на первом курсе Московского авиационного института.

Как-то утром ко мне в общежитие прибежала подруга и сообщила:

— Лётчиц набирают в полк! Хочешь?

В тот же день я ушла в армию. На комиссии меня спросили, умею ли я летать, стрелять.

— Умею. Я окончила аэроклуб, стрелковую школу.

— Мы зачислим вас штурманом.

Мне хотелось — лётчиком, чтобы самой управлять самолётом, но лётчиками брали тех, кто уже работал инструктором. Правда, штурман тоже летает. Но я не умела делать штурманских расчётов, бомбить... Меня успокоили:

— Впереди — учёба в лётной школе. Всему научитесь!

Спустя несколько дней в шинели и сапогах, с рюкзаком за плечами я шагала по Москве в колонне девушки, одетых в военную форму. На вокзале нас ждал поезд. Мы долго грузили в вагоны матрацы, мешки с нашим снаряжением и продуктами.

Поезд тронулся, когда стемнело. В Москве была объявлена воздушная тревога. Гудели паровозы, выли сирены. Вражеские самолёты пытались прорваться к городу. Из вагонов мы смотрели, как ползают по небу лучи прожекторов...

Прощаясь с Москвой, каждая из нас думала о будущем. Мы уезжали в лётную школу, чтобы там стать военными лётчиками, штурманами, техниками...

В лётной школе каждый день начинался с зарядки на улице. Бег и упражнения — в любую погоду.

Напряжённые занятия в классах и на аэродроме, изучение теории полёта, тактики боя, а затем практические полёты — вот чем мы занимались полгода.

Зимой был окончательно сформирован боевой женский авиаполк ночных бомбардировщиков. В полку не было ни одного мужчины. Командир полка — известная лётчица Евдокия Давыдовна Бершан-

ская — носила на гимнастёрке орден. Получила она его за успешные полёты ещё в мирное время.

В лётной школе я снова встретилась с самолётом У-2. Только теперь он назывался иначе — ПО-2, по имени конструктора Поликарпова, который создал этот самолёт. На ПО-2 был установлен прицел для бомбометания, а под нижним крылом — бомбодержатели с замками, к которым подвешивались бомбы. На этих лёгких бомбардировщиках нам предстояло воевать.

А пока — мы тренировались. Учились ориентироваться ночью, совершать посадку, вести самолёт в прожекторах, точно бомбить.

Помню, как проходили ночные полёты. На полигоне горел «крест» из костров. В полной темноте самолёт летел к цели, и штурман должен был попасть в этот небольшой «крест» учебными бомбами. Это не так просто. Малейшая неточность — и бомбы летели мимо. Но мы научились попадать в цель — гасить костры.

— Когда же на фронт? — спрашивали лётчицы.

Наконец приказ получен. На огромное лётное поле вырулили все самолёты полка. Сигнал к взлёту — и три самолёта ведущего звена поднимаются в воздух. За ними — остальные.

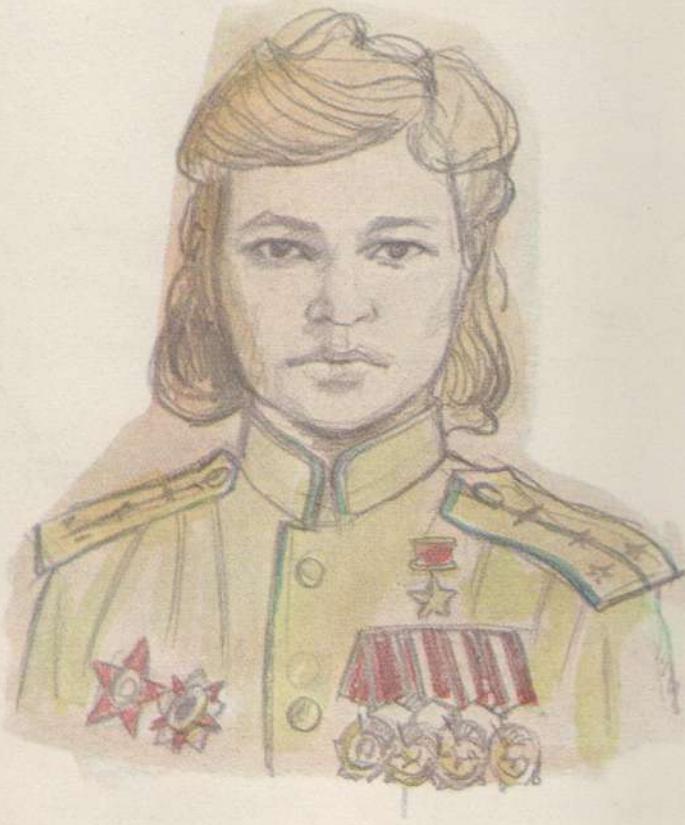
Курс — на фронт!

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ВЫЛЕТ

Тихий рабочий посёлок в Донбассе. Поле, заросшее густой травой. Это и есть наш фронтовой аэродром. Отсюда по ночам мы будем летать за линию фронта, бомбить врага.

Меня назначили штурманом к Ире Себровой. Она немного старше меня, перед войной несколько лет работала инструктором в аэроклубе. Мы с ней подружились.

— Знаешь, Ира, —
сказала я, — мне каза-
лось, что на фронте
стоит сплошной гро-
хот. А тут тихо.

В этот момент по-
слышался нарастаю-
щий гул. Летели фа-
шистские бомбарди-
ровщики. Вдруг дрог-
нула земля, раздался
сильный взрыв. Вто-
рой... Третий... Фашисты
бомбили железно-
дорожную станцию
недалеко от аэродро-
ма.

— Вот тебе и ти-
хо! — произнесла Ира.

Командир полка
Бершанская собрала
всех и предупредила:

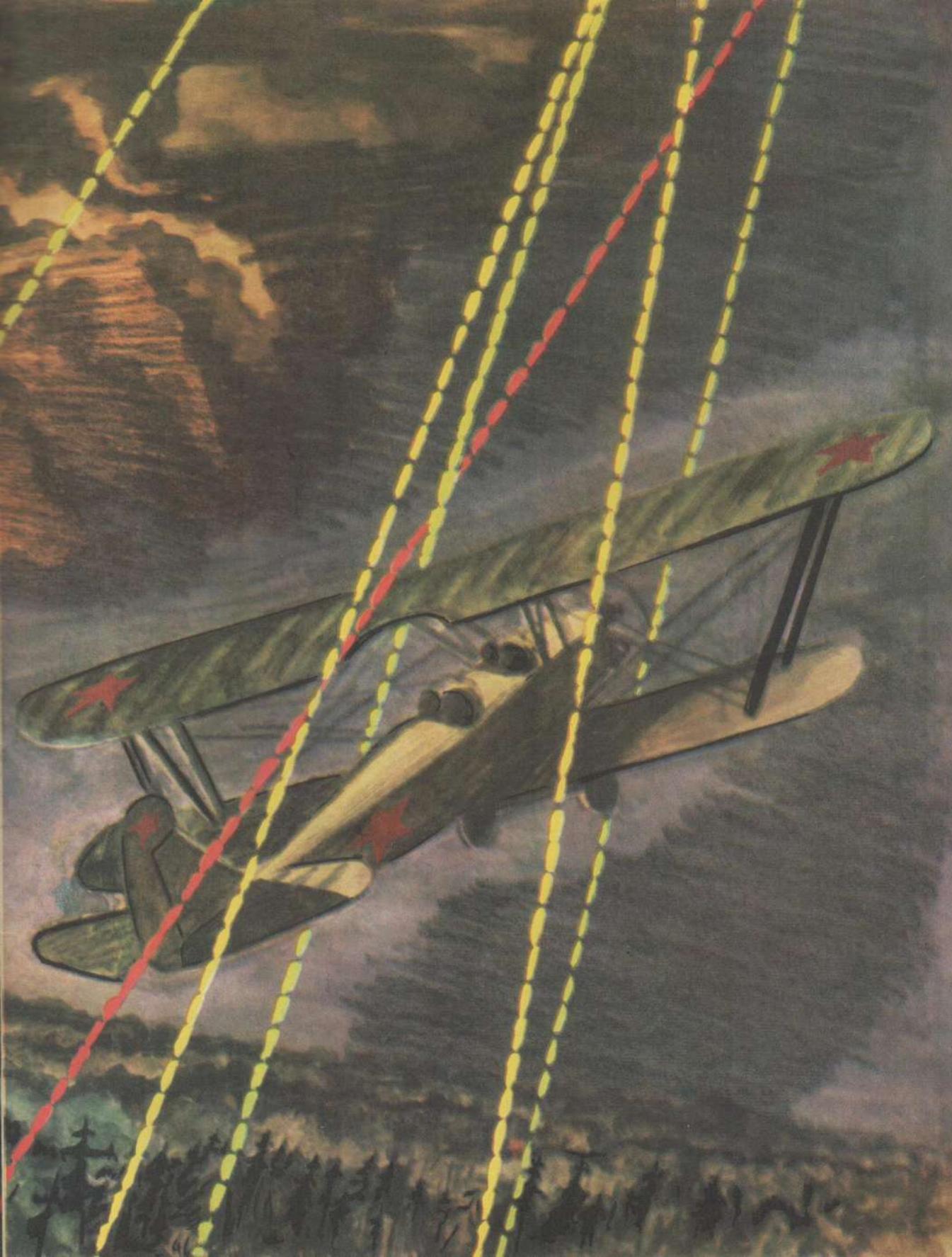
— Летают враже-
ские бомбардировщи-
ки. Они могут сбро-
сить бомбы на аэро-
дром. Ни фар, ни ог-
ней на самолётах не
включать!

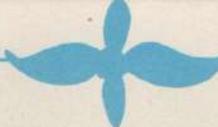
Днём мы прятали наши ПО-2 в садах, маскируя их ветками. А с наступлением темноты выруливали на поле. На старте горели выложен-
ные в линию три огонька, три электрические лампочки. И ещё одна—
впереди, чтобы лётчику было легче в темноте выдерживать направ-
ление при взлёте и посадке. Огни включались ненадолго.

И вот первый боевой вылет. Ожидая своей очереди, мы с Ирой,
конечно, волновались. Самолёты взлетали один за другим каждые
три минуты.

Когда оружейники закончили подвешивать бомбы на нашем самолёте, Ира подрулила к старту.

— В добрый путь! — крикнула техник Галя Пилипенко.

Нам дали разрешение на взлёт, и самолёт, пробежав вдоль огней, очутился в темноте. Над головой поблескивали звёзды.

Самолёт набрал высоту.

На земле, сделав штурманские расчёты, я проложила маршрут на карте. Теперь, в полёте, вносила поправки в курс, учитывая влияние ветра.

Через двадцать пять минут мы были над целью. Но почему так тихо? Никто не стреляет. Видимо, немцы не ждали нас. Нажимаю рычаг, и бомбы летят на вражеские огневые позиции.

Спустя два часа мы снова прилетели бомбить эту цель. Теперь враг встретил нас огнём.

Стрелял зенитный пулемёт. Трасса пуль прошла перед мотором. В темноте она казалась ослепительно яркой.

— Бери левее! Разрывы справа! — крикнула я в переговорный аппарат.

Неожиданно начал стрелять второй пулемёт. Огненная лента быстро надвигалась слева — вот сейчас коснётся крыла... Но лес приближался — пора было бросать бомбы.

— Не сворачивай, Ира!

Очень трудно не свернуть, когда стреляют. Но Ира держит курс. И я отбомбилась по цели. Только тогда Ира резко бросила самолёт в сторону.

— Это и есть боевое крещение! — сказала она, когда мы взяли курс домой.

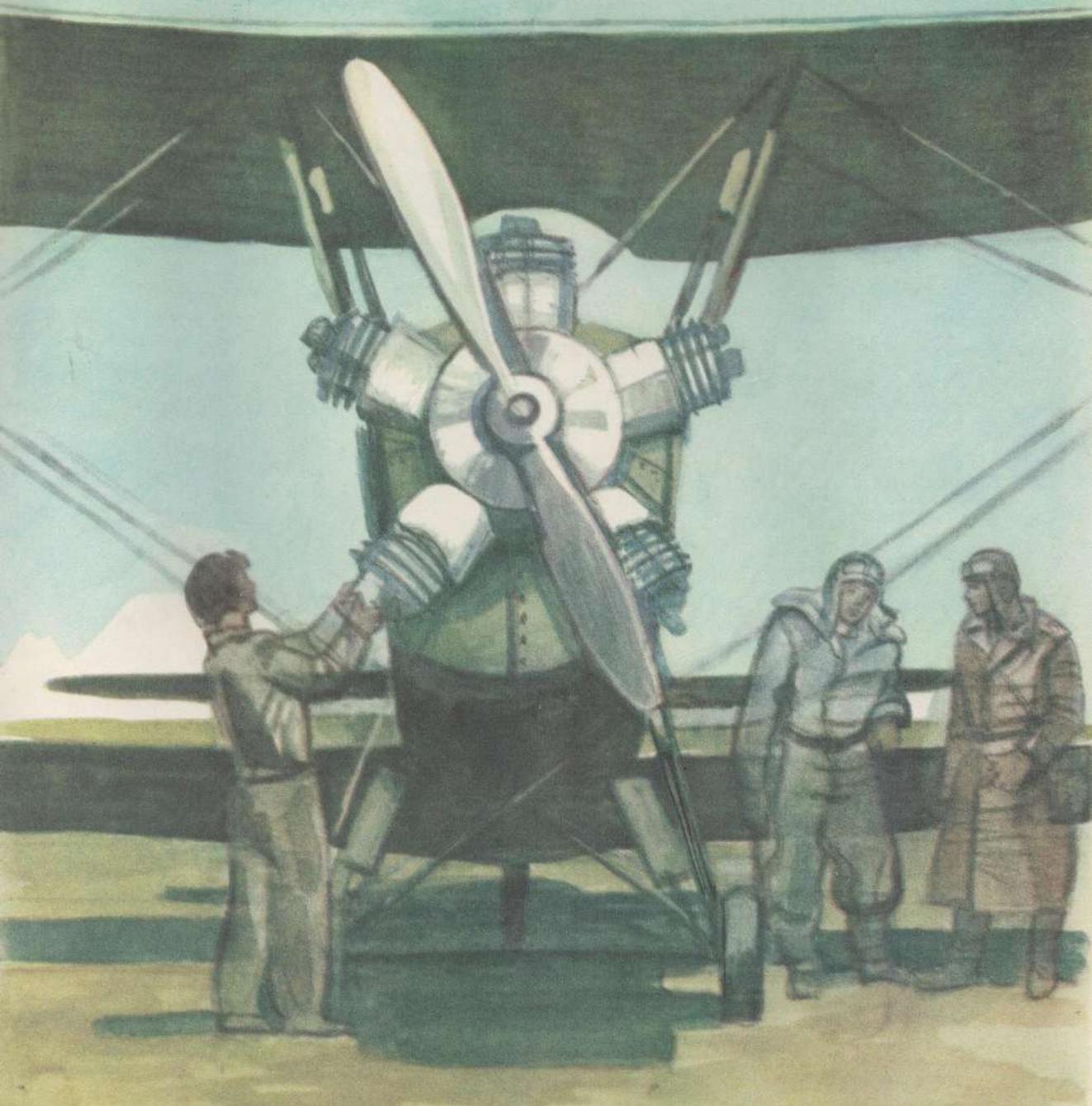
В ГОРАХ

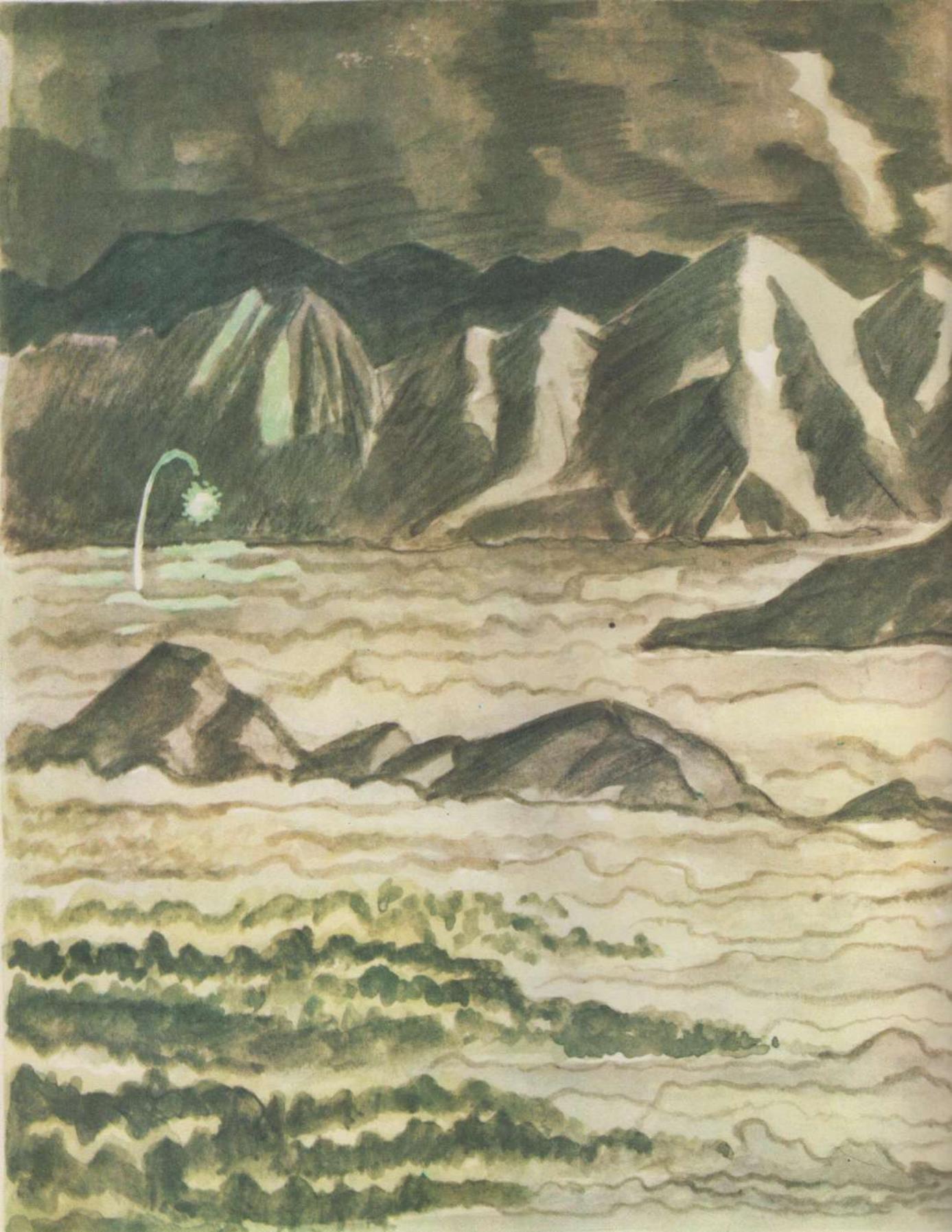
Летом 1942 года на юге гитлеровцы прорвали нашу оборону — танковые колонны двинулись к Сталинграду и Северному Кавказу. Советские войска вынуждены были отступать.

Наш полк перемещался всё дальше на юг. Это было трудное время. Ночью мы бомбили наступающие фашистские войска, а днём перебазировались на новое место. Два месяца мы вели такую кочевую жизнь. В южных степях стояла изнуряющая жара. Спать приходилось мало. Дремали в кабине, под крылом самолёта. Часто спали не раздеваясь — в гимнастёрках и брюках.

Наша армия остановила врага в предгорьях Кавказа.

Наш полк расположился в станице недалеко от города Грозного. Долина, где находился аэродром, была окружена горами. К югу от неё светлел двуглавый Эльбрус, покрытый вечными снегами.

Летали каждую ночь. После полётов заруливали свои самолёты в большой яблоневый сад. Яблоки падали с веток прямо в кабины.

В самолётах любили селиться полевые мышки. Случалось, в полёте такая мышька вдруг выглядывала из-под приборной доски...

Одно время линия фронта проходила вдоль реки Тerek. Мы летали через горный хребет к Тереку, бомбили вражеские укреплённые районы, танки, склады с боеприпасами, мосты через реку. В течение ночи каждый самолёт делал несколько вылетов.

Летать ночью в горах было нелегко. Погода в горах быстро менялась: вылетаешь — ясное звёздное небо, а возвращаешься с боевого задания — аэродром закрыт туманом или низкой облачностью. А наш самолёт не имел никакой связи с землёй.

В одном из полётов мы с Ирой разрушили переправу через Терек. Переправа служила немцам для переброски подкреплений. Возвращались в хорошем настроении. Но скоро настроение испортилось: сплошная облачность закрыла и горный хребет, и аэродром. Некоторое время мы летели выше облаков.

— Через двадцать минут пересечём хребет, — сказала я.

Пролетели двадцать минут — облакам нет конца. Они светлели ниже самолёта огромными валами — луна освещала это клубящееся море. Где-то под облаками находился аэродром. По моим расчётам нужно было снижаться. Это значит — входить в облака. А если под ними — гора?..

Мы всматривались в светлые клубы: может быть, увидим сквозь толщу облаков какое-нибудь пятнышко?.. В такую погоду на аэродроме всегда стреляют цветными ракетами.

— Вон, кажется, справа...

Облака справа чуть порозовели. Или — показалось? Но вот появилось и растяло слабое зеленоватое пятно. Зелёная ракета! Это аэродром!

— Пора, Ира.

— Начинаю снижаться, — ответила она.

И самолёт нырнул в облака. Мы очутились в густом сероватом тумане — по лицу потекли капельки воды.

Ира вела самолёт вслепую, туман окутывал нас со всех сторон.

Прошло несколько минут, а мне показалось — час. Самолёт вынырнулся из облаков совсем низко, до земли оставалось метров семьдесят. И сразу мы увидели огни аэродрома.

Нас ждали, в воздух непрерывно взлетали ракеты, рассыпаясь цветными огоньками. Все самолёты полка уже стояли на поле. Мы сели последние.

— Наконец-то! — с облегчением сказала командир полка.

ГОРИТ СКЛАД

Ночь тёмная, безлунная. Сверху из кабины я бросаю специальную светящуюся бомбу, которая через несколько секунд загорается и повисает в воздухе. Такую бомбу мы называем «фонарём». Медленно опускаясь с парашютиком, «фонарь» освещает землю. Пока он горит, можно хорошо рассмотреть цель и поразить её. Иногда мы бросаем не один, а два-три таких «фонаря».

— Ира, вижу цистерны! — воскликнула я. — Вон, справа!

Мы обе высовываемся из кабины, разглядываем цистерны, которые сверху кажутся маленькими чёрточками.

— Тут целый склад! — радуется Ира.

— Подверни правее. Ещё... Так держи!

Я спешу, я так хорошо вижу эти цистерны! Бомбы падают вниз — взрывы на земле совсем рядом с цистернами. А они стоят целёхонькие! Я ругаю себя: зачем было спешить?!

Летим домой. Ира молчит, я тоже. Никак не могу успокоиться: и ведь в нас не стреляли, а я промахнулась.

Спустя час, мы снова над этой целью. Теперь я не тороплюсь — сейчас я обязательно попаду. Снизу заструил зенитный пулемёт.

— Держи курс! — говорю я Ире.

Пули летят широким пучком. Всё ближе к самолёту, ближе... Но Ира не сворачивает, ведёт самолёт как по ниточке. Я выжидаю: ещё несколько секунд... В этот момент вижу всё: и склад с горючим, и готовый погаснуть «фонарь», и трассу пуль, которая вот-вот полоснёт по самолёту.

— Бросаю!

Лишь только бомбы отделились от самолёта, Ира пикирует, успевая нырнуть под длинную огненную трассу. Сышен грохот взрывов на земле, и мгновенно вспыхивает пламя: пожар! Одна из цистерн ярко запылала. Вскоре огонь переходит на соседнюю.

— Вторая загорелась! — сообщаю я Ире.

Она молча кивает головой: ей некогда смотреть вниз. А я всё верчусь в кабине, оглядываюсь — горит! Чёрный дым постепенно захватывает небо...

СТАНОВЛЮСЬ ЛЁТЧИЦЕЙ

В полку было несколько девушек, которые перед войной окончили аэроклуб, но летали штурманами. Мы попросили командира полка помочь нам стать лётчицами. Бершанская разрешила нашей группе пройти короткую тренировочную программу. Мы сдали зачёты по пилотированию и стали сами водить самолёты.

Было жаль расставаться с Ирой, мы с ней очень сдружились. Но разные самолёты — не беда! Мы будем дружить по-прежнему!

Свой первый боевой вылет в качестве лётчицы я делаю со штурманом полка Женей Рудневой. У Жени масса дел: она отвечает за штурманскую подготовку каждого штурмана и лётчика, обучает молодых штурманов, принимает у всех зачёты по знанию района полётов, ежедневно сообщает нам условия погоды и другие сведения, необходимые для выполнения задания. Но Женя успевает и много летать. Все молодые лётчицы, прибывающие в полк, делают свои первые боевые вылеты с Женей.

Сегодня она «вывозит» меня. Я волнуюсь. Впервые буду сама выходить из лучей прожекторов, вести самолёт под обстрелом...

Мы летим по знакомому маршруту. Вот и цель — укреплённый район, несколько высот, где немцы сосредоточили артиллерию и миномёты.

Я знаю: сейчас включатся прожекторы, заработают зенитки. Ещё секунда... Две... Пять... Это самый неприятный момент — ждать, когда начнётся обстрел.

Луна освещает землю. Видны хутор и знакомый лесок... Но почему-то сегодня всё выглядит не так, как обычно: небольшой хутор разросся и кажется огромным, лес стал темнее, а узенькая речушка превратилась в широкую реку...

— Хорошо вижу цель. Так держи, — спокойно говорит Женя. — Буду бросать.

И тут зажглись прожекторы. Рявкнула первая зенитка.

Когда всё кончилось, я услышала голос Жени:

— Ты отлично справилась. Теперь — домой!

Мы летим, а я оглядываюсь: нет, всё-таки речка узенькая и хутор небольшой...

ЮЛЯ

В полк прибыла новая лётчица. Юля Пашкова. Ей всего девятнадцать лет. Весёлые глаза, шлем набекрень. Из-под шлема — непослушные светлые волосы.

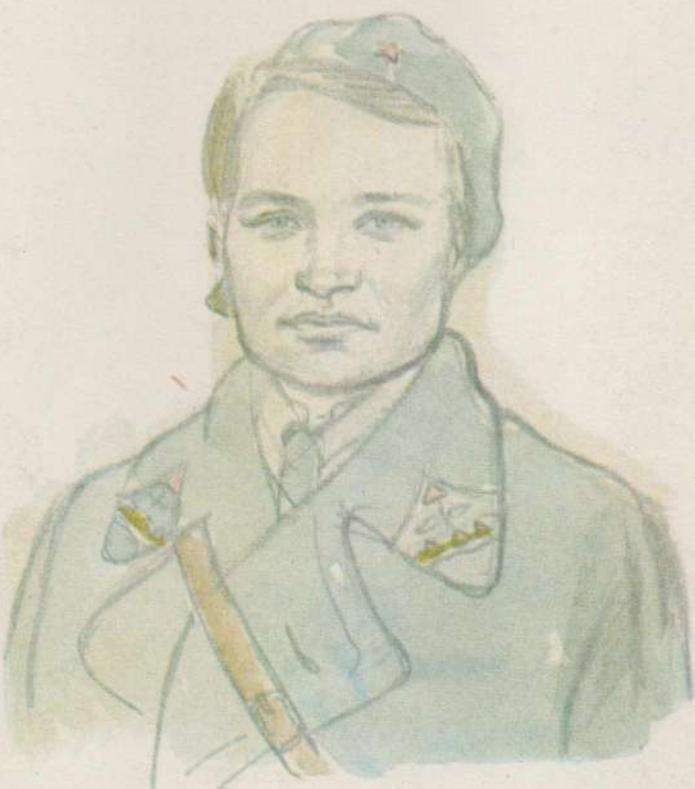
На задание Юлю пустили не сразу. Пробовали, учили летать ночью. А ей очень хотелось поскорее бить фашистов.

Первое время она больше молчала, присматривалась, улыбаясь краешком рта. И непонятно было, нравится ей у нас в полку или нет. А когда начала летать, сразу все поняли — нравится.

Летала Юля лихо и ничего не боялась — ни грозы, ни прожекторов, ни обстрела. Правда, лётного опыта ей не хватало. Зато отчаянной смелости — хоть отбавляй!

Юля оказалась не только смелой, но доброй и весёлой, хорошо пела, плясала. Мы полюбили Юлю и уже не могли себе представить, как жили без неё раньше.

Зимой 1943 года начался разгром гитлеровских войск под Сталинградом. Враг стал отходить и с Кавказа. Наш фронт, преследуя фашистов, перешёл в наступление. На Кубани немцы остановились и заняли оборону. Мы усиленно бомбили вражеские укрепления, войска, аэродромы.

Как-то раз полк получил задание уничтожить немецкий штаб и склад с боеприпасами в одной из кубанских станиц. Штаб находился в здании школы. Услышав задание, Юля заволновалась:

— Товарищ командир, разрешите, я полечу! Мы со штурманом разбомбим штаб! Мы справимся...

Юля, конечно, понимала, что ей, как новичку полка, могут не разрешить лететь на это важное задание, и поэтому нервничала.

— Я в этой станице выросла! Я там знаю каждую улицу, каждый дом! — торопливо объясняла она.

Потом вдруг умолкла и тихо добавила:

— Там мама моя живёт...

Некоторое время все молчали.

— Хорошо, Пашкова, — сказала, наконец, командир полка. — Лети.

Как и обещала, Юля уничтожила штаб. Утром прилетела назад довольная, рассказывала, размахивая шлемом:

— Немцы не ждали бомбёжки! Я спланировала почти неслышно. Они начали стрелять, когда бомбы уже разорвались! Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела! Наверное, мама догадалась, что это я!

Ветер трепал светлые Юлины волосы, лицо её горело. Такая она запомнилась мне на всю жизнь — гордая и счастливая.

Наши войска наступали, и вскоре родная Юлина станица была освобождена от фашистов. Но ей самой не пришлось там побывать — в одну из чёрных мартовских ночей она была смертельно ранена...

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Первого мая лётчицам вручали боевые награды. Полк выстроился под цветущими деревьями.

Из десяти наград были вручены восемь. Две красные коробочки с орденами остались на столе. В ночь на первое мая с боевого задания не вернулись Оля Санфирова и Руфа Гашева. Что случилось с девушкиами, никто не знал. Прошло два дня.

— Вернулись! Гашева и Санфирова приехали! — разнеслось по полку.

Их обнимали, расспрашивали, а они, уставшие, похудевшие за эти дни, молча улыбались и хотели одного: спать, спать...

Потом они рассказали обо всём, что с ними было.

Они возвращались домой — самолёт их, освещённый прожекторами, держал курс к линии фронта. Вокруг него с сухим треском рвались снаряды.

— Справа! Впереди — выше!... — сообщала лётчице Руфа, стараясь по вспышкам угадать, где разорвётся следующий снаряд.

Оля резко бросала самолёт из стороны в сторону.

Прошло некоторое время, прожекторы погасли, обстрел прекратился.

Стало тихо, очень тихо. Обе девушки почувствовали: что-то произошло. Не слышно было привычного гула, мотор не работал...

Высота с каждой секундой падала.

— Сколько минут до линии фронта? — спросила Оля.

— Десять.

Это значило, что до своих не долететь. Предстояла вынужденная посадка. Ночью, во вражеском тылу.

Молча разглядывали девушки землю, черневшую внизу: лес, лес... Чуть светлели прямые просеки. Вот на такую просеку они и решили посадить самолёт.

Оля развернула самолёт так, чтобы он летел вдоль просеки. Что там, на земле? Ямы, пни, поваленные деревья? Что их ждёт? Будут ли они живы через две-три минуты?

— Оля, давай на всякий случай простимся... — не выдержала Руфа.

— Глупости! Приготовься к посадке! — сердито ответила лётчица.

Руфа крепко ухватилась за борта кабины. Под крылом замелькали деревья. Земля всё ближе, ближе... Толчок! Стукнувшись обо что-то, самолёт свалился на крыло и замер.

Потерев ушибленный лоб, Руфа позвала:

— Оля!

Ответа не было. Поднявшись, она увидела, что Оля неподвижно сидит в кабине, уткнувшись головой в приборную доску.

— Оля! Что с тобой? — затормошила подругу Руфа.

Лётчица медленно подняла голову, тронула рукой разбитое лицо, вытерла кровь.

— За дерево... зацепились...

Над лесом вспыхнула белая ракета. Другая, третья.

— Это нас ищут.

При свете ракет они увидели, как сильно повреждён самолёт: левое верхнее крыло сломано, нижнее искорёжено, шасси подкосилось.

— Ты можешь идти, Оля?

— Пойдём.

Лесом девушки стали пробираться на восток, к линии фронта. Когда переходили речушки в оврагах, шли прямо по воде. Под утро чуть не наткнулись на немецких солдат-связистов, тянувших телефонный провод.

Наступил рассвет. Весь день Оля и Руфа просидели в зарослях камышей на большой коряге, выступавшей из воды.

— Знаешь, Руфа, у меня сегодня день рождения, — сказала Оля.

— Поздравляю! Вот и подарок тебе! — Руфа протянула подруге несколько семечек, которые нашла в кармане.

Когда стемнело, девушки снова двинулись в путь. Долго шли лесом. Под утро Оля вдруг схватила Руфу за руку и потянула вниз.

— Немцы! — шёпотом сказала она.

У небольшого шалаша стояли двое с автоматами. Услышав шорох, один из немцев что-то выкрикнул и наугад застрочил из автомата.

Прижавшись к земле, девушки отползли в сторону, переждали. Дальше двигались с большой осторожностью.

Наконец к вечеру они вышли к железной дороге. Линия фронта была рядом — только пересечь дорогу. Но фашисты освещали её ракетами.

— Перебежим, когда погаснет ракета, — сказала Оля.

Выбрав момент, поднялись и побежали.

Началась перестрелка, но девушки уже скрылись в кустарнике и ползли дальше.

Вскоре встретили своих...

В полк добрались на попутной машине.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Вот уже год, как мы на фронте. Каждую ночь летаем бомбить врага. На аэродром отправляемся вечером, когда заходит солнце, а возвращаемся с полётов утром, когда светло. Зарулив самолёты на стоянки, идём в столовую — завтракать. Потом спим до обеда, вечером — опять на аэродром, чтобы снова летать всю ночь.

Наш тихоходный самолёт не даёт врагу покоя. Немецкие солдаты тревожно спят, прислушиваясь к гулу: не на них ли сейчас упадут бомбы. И прозвали нас фашисты «ночными ведьмами». Летая в Донбассе, в Сальских степях и на Северном Кавказе, мы нанесли им немалый урон.

Однажды, проснувшись днём после боевой ночи, мы узнали, что к нам должен приехать Командующий Воздушной Армией генерал Вершинин.

За хорошую боевую работу нашему женскому полку было присвоено звание гвардейского. Командующий будет вручать полку гвардейское знамя. Все всполошились, стали готовиться к торжественному построению. Гладили гимнастёрки и юбки, которые надевали только по большим праздникам, до блеска начищали сапоги, причёсывались.

— Тебя в штаб вызывают! — сказала мне дежурная по части.

На ходу надеваю берет, спешу в штаб. Там узнаю, что приказом меня назначили знаменосцем полка. Это большая честь — нести гвардейское знамя.

— Приехал Командующий! — объявили по полку. — Все на построение!

Вручение знамени происходит на большой поляне возле пруда. Полк выстроился по эскадрильям. Отдельной группой стоит оркестр, специально прибывший к нам.

Наступает торжественный момент. Командующий читает Указ

Президиума Верховного Совета СССР. Потом мы все хором повторяем клятву гвардейцев.

— Клянёмся! — разносится далеко за пределы поляны.

Командующий вручает знамя командиру полка Бершанской. Она становится на одно колено и целует край шёлкового полотнища. Затем берёт гвардейское знамя и передаёт его мне, знаменосцу.

Рядом со мной, по бокам, два ассистента: штурман Глаша Каширина и техник Катя Титова. Мы стоим, стараясь не шелохнуться.

Приняв знамя, я вся напряглась, чувствуя, что удержать его нелегко: ветер колышет большое тяжёлое полотнище, и меня качает вместе со знаменем. Но я крепко держу древко. Теперь это гвардейское знамя мне нести до конца войны.

Играет духовой оркестр. Радостное волнение охватывает меня, и я поглядываю на девушек — у всех настроение приподнятое.

Торжественно проносим знамя вдоль строя. Впереди широким шагом идёт высокая Бершанская, за ней еле успеваем мы втроём. Я чуть наклоняю древко вперёд — алый шёлк с вышитым портретом Ленина развеивается на ветру.

«У САМОГО МОРЯ...»

В октябре 1943 года вражеская линия обороны на Кубани была прорвана, и наши войска быстро очистили весь Таманский полуостров от фашистов. Остатки разгромленных войск удрали через Керченский пролив в Крым.

За успешные боевые действия на Тамани нашему полку присвоили наименование Таманский.

Самолёты ПО-2 с их малой скоростью — 120 километров в час — очень неприхотливы, могут садиться на небольшие площадки. Нам не нужны специальные аэродромы. Часто их заменяют ровные площадки в поле, лесные поляны, широкие улицы в деревне.

Наша новая лётная площадка на обрывистом берегу, рядом с рыбакским посёлком Пересыпь у самого моря. Отсюда мы летаем бомбить врага в Крыму.

Всю осень и зиму дуют сильные ветры. Бушует Азовское море, волны с глухим гулом разбиваются о берег. Когда ветер достигает большой силы, объявляют тревогу:

— Штурмовой ветер! Все на аэродром!

Чтобы ветром не перевернуло самолёты, не унесло, мы крепко привязываем их к металлическим штопорам, ввёрнутым в землю.

Однажды мне пришлось совершать посадку в штурмовой ветер. Прилетев с боевого задания, я развернулась над морем против ветра

и стала снижаться. Ветер дул с такой силой, что мой лёгкий бомбардировщик почти висел на месте. У посадочных знаков, где он должен был приземлиться, собралось около десятка девушек-техников. Как только колёса коснулись земли, техники бросились к самолёту, ухватились за крылья, за хвост, удерживая самолёт, чтобы его не опрокинуло ветром.

— Осторожно рулите! Прочнее закрепляйте самолёт на стоянке! — давала указания командир полка, встречая каждый самолёт.

Мешали нам и частые дожди. Почва раскисла, колёса вязли в липкой густой грязи. Трудно было отрывать самолёт от земли при взлёте.

Построили деревянную площадку — самолёты на неё садятся и с неё взлетают. Нужно летать, нужно бомбить врага, ждать некогда. И мы летаем, летаем...

Как-то ко мне подошла Женя Руднева и сказала:

— Я пишу сказку... О том, как мы воюем... Хочешь почитать?

Сказка начиналась словами: «У самого синего моря, на высоком берегу жил-был гвардейский женский полк...» Сказка была длинная, но конца у неё не было.

— Потом допишу, — объяснила Женя. — Война ещё не кончилась.

Но дописать сказку она не успела — Женя не вернулась с боевого задания.

Женя ушла воевать из Московского университета. С детских лет она мечтала стать астрономом и увлечённо изучала любимую науку. Спустя тридцать лет после войны её именем названа одна из малых планет солнечной системы — именем Героя Советского Союза Евгении Рудневой.

ДЕСАНТ

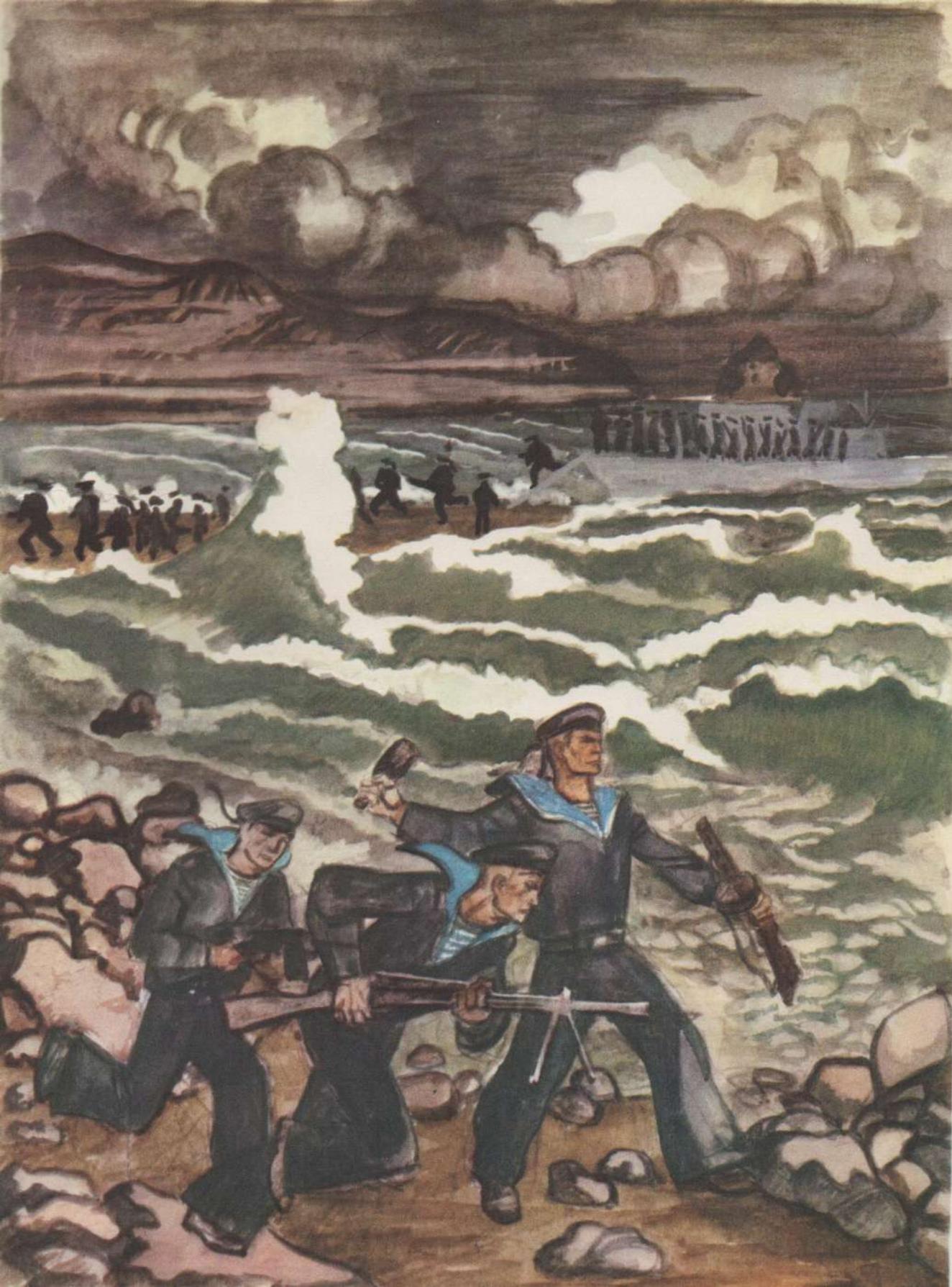
Готовилось большое наступление — предстояло освободить Крым от врага. Наши войска собирались высадиться под Керчью и оттуда повести наступление.

Захватить плацдарм в Крыму — дело нелёгкое, ведь Крым почти со всех сторон окружён морем.

Целый день через наш посёлок проходили грузовики с десантниками. Они ехали на запад, к Керченскому проливу. Моряки-десантники, молодые парни, махали из машин бескозырками и кричали:

— Сестрички! Бомбите фашистов! Встретимся на том, на Крымском, берегу!

Ночью мы основательно пробомбили вражеские укреплённые районы, артиллерийские позиции в тех местах, где должен был высадиться десант.

Высадка прошла не совсем удачно. Когда катера с моряками плывли через пролив к Крымскому берегу, разыгрался шторм. Бушующее море разбросало катера, унесло далеко от места высадки. Только часть из них достигла берега. Высадившиеся моряки с боями захватили небольшой район побережья южнее Керчи.

Окружённые фашистами, моряки держались из последних сил. Многие погибли под пулемётным огнём. Не хватало патронов, кончились запасы еды, не было бинтов для перевязки раненых.

Наш полк получил приказ: сбросить десантникам с самолётов всё необходимое.

— Сегодня будем бросать морякам мешки с продовольствием и патронами, — сказала командир полка. — Снижайтесь над посёлком и бросайте прямо в школьный двор.

Была непогода, дождь... Но мы летели через пролив к крымскому берегу. С моря нас обстреливали пулемёты — вражеские катера курсировали вдоль берега. Снизившись над посёлком, который удерживала горстка моряков, лётчицы кричали, пролетая над крышами домов:

— Полундра! Лови картошку!
— Лови патроны!
— Лови бинты!
— Лови... Лови...

А снизу нам сигналили карманным фонариком: сюда бросайтесь! И мешки падали прямо в школьный двор.

Осень и зиму мы летали через Керченский пролив. А в апреле 1944 года наши войска двинулись в наступление и в течение месяца освободили весь Крым.

ПЕХОТЕ НУЖНЫ ПАТРОНЫ

Летом 1944 года полк перелетел из Крыма в Белоруссию. Наступление продолжалось: наш фронт, Второй Белорусский, прорвал вражескую оборону и стал быстро двигаться на запад, освобождая от фашистов города и сёла. Наступление шло с такой быстротой, что расчленённые группы фашистских войск не успевали отойти и оказывались в нашем тылу. Фронт же катился всё дальше вперёд.

И вот наступил день, когда мы вышли к государственной границе. Конечно, никакой границы мы не увидели — обыкновенный лес, поле.

Мы отметили это важное событие: у гвардейского знамени состоялся митинг. Теперь можно было сказать, что наша страна свободна от фашистов.

— А до Берлина ещё далеко, — заметила Ира. — Но мы обязательно будем там!

* * *

Мы воюем на польской земле. Живём в бывшем помещичьем имении. На стенах дома углём написано: «Разминировано!» Такие надписи встречаются на каждом шагу. Отступая, фашисты минируют всё, что можно. Наши сапёры внимательно проверяют дома, дворы, дороги.

Миновала осень, наступила зима. На аэродроме снег, и теперь на самолётах вместо колёс — лыжи.

Давая очередное боевое задание, командир полка сказала:

— Наступая, группа наших войск ушла далеко вперёд и оказалась отрезанной от главных сил. Люди сидят без патронов. Сегодня будем бросать им ящики с патронами.

В эту ночь я должна была лететь первой. С вечера шёл снег. Временами он прекращался, потом опять начинался. В такую погоду, когда не видно даже огней на земле, летать трудно. Но пехота ждала от нас помощи — без патронов не обойтись на войне.

— Лети, — сказала коммандир. — Попробуй пробиться. Буду ждать полчаса — если к этому времени не вернёшься, начну выпускать остальные самолёты.

Со штурманом Ниной Реуцкой я летала уже несколько месяцев. Раньше она была связисткой, здесь же, на фронте. Услышав о женщинах-лётчицах, захотела летать и попросилась в наш полк. Вместе с группой девушек Нина окончила штурманские курсы, которые организовала в полку неутомимая Женя Руднева.

Мы с Ниной пробились. Два раза попадали в сильный снегопад, но всё-таки долетели до излучины реки, где, как и было условлено, горели три костра, расположенных треугольником.

Снизившись, мы увидели людей возле костров. Они махали нам шапками. В ответ я помигала им огнями. Ночь была не очень тёмная, и я внимательно осмотрела с воздуха площадку: нет, посадить самолёт здесь, действительно, нельзя — деревья, овраги.

— Поторопись, Нина, пока снег не идёт. Готова?

— Заходи против ветра.

Ящики с патронами уложены на крыльях, рядом с кабиной — другого места для них не было. По четыре ящика с каждой стороны. Они были перевязаны крепкими верёвками, концы которых находились у Нины. Чтобы ящик упал с крыла, нужно было потянуть за верёвку.

На высоте пятнадцати-двадцати метров я пролетела над кострами.

— Не получилось! — сообщила Нина. — Давай ещё зайдём!

Я опять сделала заход, но безрезультатно: ящики не хотели скользить с крыла. А внизу так ждали!

— Ещё попробуем! — крикнула Нина.

Но и на этот раз ничего не вышло.

— Что же делать? — говорю я. — Дёргай посильнее! Будем летать, пока не сбросишь!

— Заходи! Я их сейчас столкну! — решительно сказала Нина.

И она стала быстро вылезать на крыло.

— Куда? Не смей вылезать — ветром сдуёт!

Но Нина была уже на крыле. От волнения мне стало жарко — что, если не удержится?.. Я осторожно вела самолёт, разворачивая его плавно, «блиничком», стараясь не сделать резкого движения. Мне казалось, что вот сейчас Нина поскользнётся на мокрой поверхности крыла и, конечно же, свалится — ведь она держится за борт только одной рукой, другой рукой и ногой сталкивает ящики.

Сбросив ящики с одного крыла, Нина перебралась на другое... А я кружила и кружила над кострами. Когда все восемь ящиков с патронами оказались на земле, Нина возвратилась в кабину.

— Всё. Теперь можно домой!

Мы сделали прощальный круг, опять помигали огнями. Землю закрывало пеленой, огни потускнели — снова пошёл снег.

ПОБЕДА

Весна 1945 года. Идут бои на подступах к Берлину. Река Одер, которую немцы считали серьёзной преградой для наших войск, осталась позади. Мы летаем на север, бомбим немецкий порт, откуда фашисты спешно, на кораблях, удирают из собственной страны. По всему видно, что это последние наши вылеты.

Я спрашиваю у Иры:

— Тебя можно поздравить? Тысяча боевых вылетов?

— Вчера перевалило за тысячу, — отвечает она.

Три года мы летаем на фронте. У некоторых лётчиц число боевых вылетов приближается к тысяче. Больше, чем у Иры Себровой, нет ни у кого.

Второго мая пришло радостное известие: взят Берлин! Это значит — скоро конец войне.

— Давай посмотрим Берлин сверху, — предлагает Ира.

— С самолёта? Давай!

На следующий день мы должны были лететь днём на другой аэродром. Мы с Ирой договорились вылететь раньше, чтобы было время посмотреть Берлин.

И вот наши ПО-2, как две пчёлки, кружат над огромным полуразрушенным городом. Он весь дымится, кое-где догорают пожары. Сквозь дым едва пробиваются солнечные лучи.

Под нами Берлин, столица Германии. Здесь фашисты разрабатывали свои военные планы, отсюда посыпали войска, чтобы захватить другие страны, поработить целые народы. Нашу страну они не смогли завоевать. Весь советский народ поднялся против них. Почти четыре года шла жестокая война. Теперь наша армия — в Берлине.

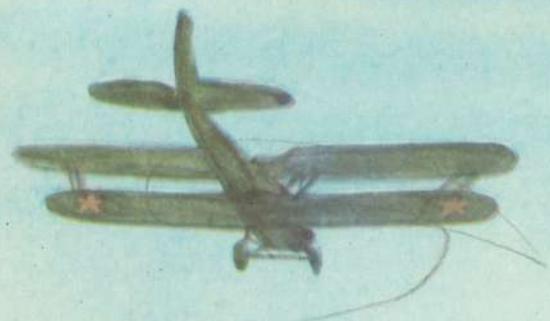
Выбравшись из дыма, мы с Ирой улетаем. Опять над нами яркое майское солнце. А внизу, на земле, весна — в белом убore деревья, свежая зелень травы и сирень, сирень, сирень...

Через несколько дней, 9 мая, был объявлен мир. Не верилось, что больше не нужно лететь куда-то в темень ночи, напряжённо ждать, когда начнётся обстрел, нажимать рычаг бомбосбрасывателя.

Мы дружно стреляли вверх из ракетниц — в вечернем небе расцветали яркие огни. Десятки красных, зелёных, жёлтых огней весело плясали над аэродромом.

— Победа! Пришла Победа!

35 к.

Для младшего школьного возраста
Наталья Фёдоровна Кравцова
В НОЧНОМ ПОЛЁТЕ
Художник Ю. Копейко

ИБ № 581

Редактор Л. Архарова. Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Шадрина.
Сдано в производство 11.12.78. Подписано к печати 25.06.79. 84×108 1/16.
офс. № 1. Печ. офс. Гарн. журн. рубл. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,64.
Тираж 150 000. Изд. № 954. Заказ № 428. Цена 35 коп.

Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Фабрика офсетной печати № 2 Роставполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Дмитров Московской области, Московская, 3.

70802—010
к М102(03)—79 10—79

© Издательство «Малыш» 1979

